

**Д. Дальман. Сибирь с XVI века до современности. Падерборн, 2009. 438 с.\***

---

Сolidное исследование истории Сибири с XVI в. до наших дней, предпринятое профессором, заведующим кафедрой Восточноевропейской истории в Боннском университете Дитмаром Дальманом, отличается от всех известных до сих пор подобных исследований тем, что автор последовательно соотносит происходившие события с их влиянием на судьбу «индигенных» («коренных») сибирских народов. В течение минувшего столетия появилось немало специальных исследований, посвященных разным аспектам их истории; они учитываются в обширном списке литературы, занимающем вместе с примечаниями едва ли не треть книги. Но до сих пор не было работы, в которой историческая канва событий более чем 5 веков столь последовательно переплетена с судьбой этих народов. В центре внимания автора не история всех этих народов, а российская политика по отношению к ним. В этом новаторство автора и одна из его неоспоримых заслуг. Наиболее плодотворным такой подход оказался при рассмотрении периода завоевания и присоединения Сибири к Российскому государству.

Читатель, знакомый с изложением событий по давно известной советской и зарубежной литературе, прочитав пространное предисловие, задумается над тем, справится ли автор, выдвинувший принципиально новые постулаты, с фактами, конкретикой, не столь податливо вплетающейся в предложенную общую канву исторических событий. С тем, что присоединение Сибири было завоеванием, вряд ли стоит спорить. Важнее выяснить, кто осуществлял завоевание и по чьему приказу? Как выглядела альтернатива, например, для манси и ханты, принуждавшихся обеими воюющими сторонами к участию в военных схватках? Был ли и проявился ли конкретно у этих народов осознанный шанс существования в привычных условиях в мире возникавших повсюду империй, растущих благодаря более эффективной военной и транспортной технике? Можно ли, к примеру, рассматривать Сибирское ханство как

государство индигенных народов, не учитывая его предысторию, в особенности тот факт, что интересы создававшейся Российской империи столкнулись здесь с вожделениями наследников огромной агрессивной азиатской империи Чингисхана, потерпевшей на сибирском отрезке фронта окончательное поражение?

Дальман не уходит от этих вопросов, но иногда пытается решить их, смещая привычные рамки, разделяя на части взаимосвязанные процессы. Например, в главе о завоевании Сибири подробно рассматривается роль купеческой династии Строгановых, Ермака и московских властей, сохранявших определенную стратегическую дистанцию в этих событиях. Это позволило автору отмежевать первый этап завоевания Сибири от последующих. В двух дальнейших главах рассматриваются параллельно завоевание и исследование Сибири. Такое разграничение дает возможность по-разному оценивать не только результаты, но и саму деятельность в основном одних и тех же лиц. Повторения при таком подходе столь же неизбежны, как и различия. Ведь грабители-разбойники, пытавшиеся выжить в экстремальных условиях, так же как и люди, действовавшие по заданию царя и во имя возникавшей империи, не щадили ни своей, ни тем более чужой жизни, пробиваясь в новые неизведанные края и делая открытия мирового значения.

Особенность исследования Дальмана заключается в дифференцированной оценке его героев, действия которых рассматриваются под разными углами зрения. Это позволяет ему сначала несколько подробнее остановиться на той цене, которую заплатили коренные народы Сибири за расширение владений русских царей, и лишь потом воздать дань признательности трудам первооткрывателей, будь то академики или беглые крестьяне. Участие в этом процессе последних, как и вообще вклад крестьянства в стихийное или организованное освоение Сибири, можно сопоставлять с переселением безземельных и безработных бедня-

---

\* *D. Dahlmann. Sibirien vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Ferdinand Schöningh – Verlag. Paderborn, 2009. 438 p.*

ков из Европы в Америку на протяжении второй половины XIX в. Однако в обоих случаях оценивать результаты имеет смысл, учитывая не только имперские интересы, но и мотивы, которыми руководствовалась преобладающая масса переселенцев.

Другая проблема, возникающая при безоговорочном следовании концепции Дальмана, это восприятие освоения Сибири как явления продвижения русского этноса по территории, не принадлежавшей ему по праву первожителства на этих землях. Автор даже употребляет взятое из другого контекста понятие «руссификация». На самом деле нельзя отрицать, что среди организованных переселенцев столыпинского времени, как и среди беглых крепостных крестьян, среди ссыльных и оставленных в Сибири на поселение, наконец, среди раскулаченных в 1930-х гг. преобладали русские. Действительно, переселенцы (и русские, и иной национальности) сталкивались с немалыми трудностями «выживания» на новом для них месте. Это были не только сибирские морозы. Замкнутость сибирской общины, законсервировавшей порядки, возникшие как способ выживания в трудных сибирских условиях, предписывала недоверие к чужим, «пришлым». Рассчитывать на прием новичка в такую общину было трудно, а вытеснять кочевников с отведенных им пастбищ запрещали законы. Однако просторы Сибири в то время еще позволяли селиться, не слишком стесняя предшественников. Поэтому русские, украинские, кавказские поселения издавна чередовались здесь с немецкими, корейскими, казахскими и т.д. Заселение Сибири никогда не было руссификацией в том

смысле, в каком этот термин употребляется при оценке политики, проводившейся российским правительством на разных этапах ее истории.

Каторга, ссылка, «вечное» поселение без права возврата в европейскую часть страны — следующая тема, без которой немыслима сибирская история. Дальман, ориентируясь на то, что нам ныне известно о ГУЛАГе, склонен не слишком подчеркивать масштабы произвола, беззакония и жестокости дореволюционного царского тюремно-ссыльного режима. Он даже готов признать полезность ссылки в Сибирь декабристов, польских бунтовщиков или русских народовольцев, которые получили возможность заниматься изучением быта сибирских народов. Здесь стоит напомнить, что даже ГУЛАГ ныне иногда изображают как изолированное и потому «спокойное место работы» ученых над открытиями мирового значения.

К наиболее удавшимся частям научного повествования принадлежат тема строительства Транссибирской железной дороги, а также затянувшейся на сибирской территории Гражданской войны. О ней пока еще далеко не все известно; автору пришлось по крупинкам собирать материал. В целом же роль Сибири в XX в. и происшедшие на этом этапе перемены в оценке ее значения для России и для мира освещены довольно коротко. Тем не менее представляется весьма полезным дать русскому читателю возможность ознакомиться с переводом с этой важной и интересной книги по истории Сибири.

**Л.Я. Томас, доктор исторических наук  
(Германия)**

## **История России. XX век / Под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2009. Т. 1. 1023 с. Т. 2. 847 с.**

Изучение истории XX в. с неидеологизированных позиций, учитывая отсутствие привычной для академической традиции временной дистанции, — задача сложная. Она особенно усложняется применительно к истории России, где имел место и потерпел сокрушительное поражение коммунистический эксперимент, начавшийся в ходе революции 1917 г. и завершившийся крушением СССР в 1991 г. и возрождением современной России. Всякое исследование по истории России XX в. не может игнорировать эту центральную проблему и должно предложить свое решение. Делает это и коллектив авторов рецензируемого труда.

Основная идея книги — Россия проиграла XX в., ставший для нее «временем катастроф

и разрушений». Каталог, представленный в книге, действительно выглядит впечатляюще: «неудачная война с Японией (1904–1905), первая революция (1904–1905), Первая мировая война (1914–1918), отречение Николая II, Февральская революция, октябрьский переворот 1917 г., разгон Учредительного собрания, установление большевистской диктатуры и террора (1918), Гражданская война (1918–1922), разрушение государственного строя, Церкви, гражданского общества, сталинизм, чистки и концлагеря, десятки миллионов жертв, второе вторжение Германии в 1941 г., к которому страна не была подготовлена, опять десятки миллионов жертв, разрушение страны; безусловно, героическая победа над Германией,